

П.Н. Краснов

Душа армии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К77

Краснов П.Н.
К77 Душа армии / П.Н. Краснов – М.: Книга по Требованию, 2016. – 88 с.

ISBN 978-5-4241-2857-8

Петр Николаевич Краснов (1869–1947) — в российской истории фигура неоднозначная и по-своему трагическая. Прославленный казачий генерал, известный писатель, атаман Всевеликого Войска Донского, в 1918 году он поднял казаков на "национальную народную войну" против большевиков. В 1920 году Краснов эмигрировал в Германию. В годы Второй мировой войны он возглавил перешедшую на сторону вермахта часть казачества, которая вслед за атаманом повторила: "Хоть с чертом, но против большевиков!"

ISBN 978-5-4241-2857-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016
© П.Н. Краснов, 2016

Н. Головин
ОБШИРНОЕ ПОЛЕ
ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ
ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ П.Н. КРАСНОВА «ДУША АРМИИ»

Имя генерала Краснова известно многим участникам войны. П.Н.Краснов как писатель хорошо известен многочисленному кругу читателей. Поэтому его имя говорит само за себя, и всякий его труд в предисловии других лиц не нуждается.

Но я чувствую себя обязанным исполнить желание П.Н.Краснова. Я его должник, ибо когда я обратился к нему с просьбой прочесть на учрежденных мною Военно-Научных Курсах несколько лекций по военной психологии, генерал Краснов ответил мне горячей готовностью внести свою лепту в трудное дело воссоздания Русской Военной Науки.

Я обратился с такой просьбой к генералу Краснову, потому что я знал, что он, будучи Атаманом Войска Донского в 1918 году, не только ввел в программу преподавания Новочеркасского Военного Училища курс Военной Психологии, но и сам приезжал в Училище читать этот курс.

Бесспорно, что это нововведение, сделанное Атаманом Красновым, представляет собою факт громаднейшего значения в истории Русской Военной Школы. Мне хотелось поэтому связать чтение лекций по Военной Психологии на Военно-Научных Курсах с этим первым шагом и с именем того, кому принадлежит честь этого шага.

То, что до сих пор Военная Психология почти нигде не преподавалась, объясняется сложностью самого предмета изучения и трудностью его исследования. Тем больше заслуга тех, кто первыми проникают в эту не освещенную наукой область. Этим первым исследователей можно уподобить людям, дерзнувшим войти в неизведанную обширнейшую пещеру, несмотря на то, что в их руках не могло быть тех могучих средств освещения, созданных трудами многочисленных предшественников, как это имеет место в других науках.

Они оказываются в положении исследователя пещеры, вооруженного лишь коробкой спичек. Естественно, что многие предметы ускользают от их внимания и у замеченных ими предметов они успевают рассмотреть только одну сторону. Вследствие этого, как бы талантливы ни были эти первые исследователи, их работы всегда будут носить характер односторонности и печать субъективности. Для того чтобы создалось объективное и всестороннее исследование, нужно, чтобы много лиц повторило попытки первых исследователей. Но это вопрос будущего; это счастливый удел следующих поколений.

С особою любовью обрисовывает генерал Краснов красивые и сильные стороны нашей Старой Армии. Знать их, прочувствовать их особенно полезно для поколений, вошедших в сознательную жизнь в революционную эпоху. Революция с озлоблением на старое слишком решительно отменяет его. А злоба плохой советник. Будущая Российская Армия несомненно должна использовать все хорошее и светлое из нашего Великого Прошлого. Она не может отказаться от того духовного капитала, который завещан нам Петром Великим и Суворовым. Только при соблюдении этого условия она достигнет уровня действительно мощной боевой силы. Душа Армии выковывается на протяжении веков.

Вожди Французской Армии, приведшие к победе свой народ в только что

минувшей величайшей войне в Истории, настояли на том, чтобы на знаменах — французских полков красовались имена побед не только Республиканской и Наполеоновской армий, но и армии Королевско-Бурбонской.

Чтение труда генерала П.Н. Краснова вызывает бодрую веру в будущее России. Поэтому я не сомневался в том, что, закрывая эту книгу, читатель испытает чувство глубокой благодарности к автору.

* * *

Будем надеяться, что пример генерала П.Н.Краснова вызовет ряд повторных попыток исследования духовной стороны войны. Неподнятые еще поля в этой области громадны.

По поводу тех проблем, которые ожидают ответов со стороны последующих исследователей, мне и хотелось бы поговорить в этом предисловии.

Но перед этим я хочу сказать несколько слов о рамках Военной Психологии как науки.

Изучение духовной стороны войны можно вести в двух направлениях:

во-первых, можно исследовать изменения в деятельности и в свойствах человека, которые происходят в нем под влиянием обстановки войны;

во-вторых, можно изучать самые явления войны, взяв каждое из этих явлений, как нечто органически целое; например, исследование того внутреннего процесса, который происходит в бою в каждой из дерущихся сторон.

Первый род исследований можно назвать индивидуальной военной психологией, второй — коллективной военной психологией. Но подобное разделение должно почитаться условным и лишь временно принятым для удобства научного исследования. Действия бойцов слишком тесно между собою психически связаны и слишком властно друг друга обуславливают, чтобы можно было сделать в области индивидуальной военной психологии сколько-нибудь обобщающие выводы, не считаясь с законами коллективной военной психологии.

Поэтому индивидуальная военная психология должна рассматриваться лишь как вспомогательный отдел военной психологии, которая в основной своей части не может быть иной, как психологией коллективной.

Только что указанная опасность односторонности, которая грозит индивидуальной психологии в том случае, когда она попытается приписать своим выводам более широкое значение, чем они этого заслуживают, грозит также и всей военной психологии. Последняя исследует, как мы выше говорили, духовную сторону явлений войны. Но эти явления протекают не только в духовной, но и в материальной обстановке. При этом связь между духовной и материальной стороной каждого явления войны настолько тесна, что они неразъединимы. Например: наличие лучшего вооружения повышает дух армии, обладающей им, и понижает дух противоположной стороны; не меньший моральный эффект производит и осознанное численное превосходство.

Часто приходится встречать среди писателей, желающих выделить первостепенное значение духовного элемента на войне, упущение этой тесной, неразъединимой связи между духовной и материальной сторонами явлений войны. Не избег подобной ошибки даже такой крупный ум, как М.И.Драгомиров. Для доказательства главенствующего значения духовного элемента в армии он противопоставлял духовный элемент материальному: храброго с менее совершенным

оружием — трусу с лучшим оружием. Логическая ошибка ловкого противопоставления заключалась в том, что наличие отличного вооружения вовсе не обязательно должно совпадать с трусостью. Наоборот, как мы только что говорили выше, наличие лучшего вооружения не только ведет к повышению духа своих войск, но и к понижению такового у неприятеля. Результатом подобного ошибочного рассуждения явился следующий парадокс: мы, которые гораздо больше говорили до 1914 года о главенствующем значении духовного элемента в войсках, чем немцы, выступили на войну с артиллерийским вооружением в два раза более слабым, чем германское, и этим самым понизили дух наших войск и придали полную уверенность в своей силе немцам при действиях против нас.

Вот почему, хотя военная психология и исследует важнейшую сторону явлений войны, ее общие выводы не могут почитаться окончательными. Таковые могут быть сделаны лишь тогда, когда духовная сторона явлений войны будет вновь воссоединена с материальной стороной. Если принять выводы, сделанные военной психологией за тезу, а выводы, полученные из изучения материальной стороны явлений войны, за антитезу, то окончательный вывод может быть только синтезом, (обобщением), а не противопоставлением.

Отсюда следует, что военная психология является в свою очередь лишь вспомогательной наукой для стратегии и тактики, в особенности же по отношению к первой, которая является высшей синтетической (обобщающей) военной наукой.

* * *

Генерал П.Н. Краснов начинает свой труд рассмотрением вопросов индивидуальной военной психологии. Он указывает на существенные психические различия в деятельности рядовых бойцов, их строевых командиров и руководящих крупными войсковыми соединениями высших начальников.

Психология бойца — это изучение деятельности человека под угрозой опасности. Поэтому генерал Краснов и выделяет на главенствующее место среди факторов, обуславливающих эту деятельность, чувство страха. В этом отношении он идет по пути, пробитому классическим трудом майора Ардан-дю-Пика, написанном еще в 1867 году. Но, кроме этого основного элемента в психологии бойца, следует, мне кажется, упомянуть еще об одном факте, являющемся, конечно, второстепенным по сравнению с чувством страха, но все же имеющем немаловажное значение в работе рядового бойца. Я говорю про усталость. Как бы ни шло вперед усовершенствование материальной части, все равно требования, которые будут предъявляться рядовым бойцам на войне, превзойдут значительно те требования, которые предъявляются даже при тяжелой работе в условиях мирного времени. А между тем, на что следует обратить особое внимание, физиологическое воздействие усталости на психику человека аналогично действию страха: она притупляет рассудочность и волю. Этот вопрос очень хорошо рассмотрен только в одной работе, а именно в книге моего большого друга генерала Де-Модюи «Тактика пехоты», написанной им в 1910 году

Для того, чтобы обрисовать, насколько сложнее психические условия деятельности строевых командиров по сравнению с рядовыми бойцами, генерал Краснов приводит очень красочное описание поведения одного из командиров наших пехотных полков в минувшую войну. Когда же мы поднимемся на самые верхи

военного управления, то мы увидим еще большие различия. Личная опасность и физическая усталость во много раз уменьшается; но зато в других отношениях условия работы чрезвычайно осложняются. Прежде всего увеличивается та моральная ответственность, которая лежит на плечах начальника. И тяжесть этой ответственности по мере того, как мы будем подниматься по иерархической лестнице командования, достигает таких размеров, которые под силу только великим душам. Сам величайший из полководцев Наполеон, вспоминая на острове Св. Елены пережитое, говорил, что мало кто может составить себе представление о той силе духа, которая нужна полководцу, чтобы выиграть большое сражение. И творить свое трудное дело крупный начальник должен в нервной обстановке тыла. «Нервность» тыла представляет собой очень своеобразное явление, замеченное во всех армиях. Вот как описывает это явление один из современных военных писателей ген. Сериньи: «Падение духа начинается сзади. Мармон в своей книге «О духе военной организации» указывает, что еще в древние времена было замечено, что бегство всегда зарождалось в задних шеренгах фаланги. В сражениях минувшей большой войны это явление повторилось, и паническое настроение исходило обыкновенно от писарей и всевозможного рода тыловых чинов... Во всяком случае падение поразительно растет по мере удаления от поля боя. Вследствие оптического обмана в тылу все преувеличивается, и успехи, и неудачи. Не видя воочию того, что происходит, тыл создает себе представление об обстановке от раненых и беженцев; душевное состояние и тех, и других накладывает особую печать на их рассказы; преувеличение является законом. Вот почему можно с полным правом утверждать, что действительное положение вещей на войне не бывает ни таким хорошим, ни таким дурным, как это обрисовывается из первых сведений.

Отсюда следует, что руководитель крупного войскового соединения может быть потрясен событиями ранее, чем его войска. В течение войны можно было это увидеть много раз, как у нас, так и у наших союзников и у наших врагов. Тем более достойно восхищения поведение Маршала Жофра 24 февраля 1916 года в Шантильи при встрече с генералом Петеном, избранным для командования армией в Вердене. В то время, как в Ставке царила полная растерянность, Жоффр сохранял удивительное спокойствие. Потирая со своей доброй улыбкой руки, он сказал: «Итак, Петен, как вы знаете, дело совсем не плохо.»** Подобное спокойствие, такая уверенность начальства в трагические минуты — это все. Если его дух подавлен и он это покажет, если он только проявит свое волнение хотя бы в нескольких указаниях, его сомнения распространятся с чрезвычайной быстротой; они удесятерятся в силе в каждой инстанции командования; приказания становятся все более и более нервными, и внизу иерархической лестницы возникает беспорядок...»

Вышеуказанные чувства ответственности и в то же время своеобразная «нервность», присущая тылу, объясняют те странные, на первый взгляд, случаи, которые приходилось наблюдать в минувшую войну. Мне лично пришлось знать начальников штабов двух армий, которые так сильно «нервничали», что их работа в критические минуты принимала совершенно сумбурный характер. Первые одного из них дошли до такого расстройств, что он не мог сдерживаться от слез. Это не помешало тому, что, когда оба эти генерала были назначены начальниками пехотных дивизий, они оказались доблестными и спокойными командирами.

Вышеизложенное отнюдь не должно быть понято, как умаление моральной красоты подвига, осуществляемого строевыми начальниками. Вместе с генералом Красновым я считаю лишь нужным подчеркнуть существенное различие в условиях работы войск и высших военных начальников. Это различие в настоящее эпоху столь велико, что создает как бы две различные психологии: психологию действующих войск и психологию высших штабов. В тех случаях, когда это различие не учтено, оно легко может привести к взаимному непониманию низов и верхов армии, то есть к моральному расслоению. Одной из важнейших практических проблем военной психологии и является разрешение вопроса, какими приемами прочно связать эти две психологии, дабы даже самые удаленные от поля боя ячейки высшего управления чувствовали бы состояние духа войск, без чего высшее командование окажется оторванным от реальной обстановки; оно все более и более будет жить в воображаемой обстановке, будет отдавать неосуществимые приказания или же будет упускать благоприятные возможности. Это поведет к падению доверия войск к высшему начальству и может вызвать даже враждебное отношение. Следует признать, что в минувшую войну в этой области дело у нас обстояло далеко не благополучно, особенно в конце войны. Для того, чтобы убедиться в этом, нужно только вспомнить «Июньское» наступление 1917 года, сыгравшее решительную роль в гибели нашей армии.

* * *

Затрагивая вопрос о том, как побороть в себе страх смерти, генерал Краснов указывает на то, что люди религиозные встречают большую моральную поддержку в религии. Старая пословица, говорящая, что «тот, кто на море не бывал, Богу не маливался», часто перефразировывалась в минувшую войну словами: «тот, кто на войне не бывал, Богу не маливался». Но, кроме моральной поддержки, которую дает религия бойцу при переживаемой им опасности, она играет еще и другую великую роль. Война, требующая от людей величайшего самоотвержения и подвига, в то же время разнуздывает и дурные страсти в людях, усыпленное культурой мирного времени варварство. Большевикизм, затопивший нашу Родину морем крови, мог родиться только из извращений психики войны. Несомненно, что религия является задерживающим началом для роста этих извращений.

Таким образом, морализующая роль религии для духа армии осталась по-прежнему большой. Но в отдаленные времена религия имела еще и другое значение: она фанатизировала бойца и толкала его на борьбу. Так проповедь Магомета подняла в Аравии племена Арабов, а затем повела целый ряд народов для «покорения неверных». Так в ответ на это Католичество подняло Крестовые походы для освобождения Гроба Господня. В XVII столетии Центральная Европа опустошается в тридцатилетней войне, в которой воинствующее католичество пытается удушить распространение протестантства. Но уже в XVIII столетии эпоха религиозных войн кончается для Европы, и Фридрих II Прусский, ведущий ряд войн для создания Великой Пруссии, говорит по поводу религиозных разногласий: «пусть каждый спасается на свой манер».

Дух нашей Православной Церкви не является столь же воинствующим, как дух Католичества. Это отразилось и на наших войнах, которые никогда не носили исключительно религиозного характера. Еще в XV веке Царь Иоанн IV пишет

по поводу покорения Астрахани: «Как взяли мы Астрахань, то Астраханским князьям свое жалованное слово молвили, чтобы они от нас разводу и убийства не боялись. Так, чтобы в других землях не стали говорить: вера вере недруг, и Для того христианский государь мусульман изводит. А у нас в книгах христианских писано: не велено силою приводить к нашей вере. Бог судит в будущем веке, кто верует право или неправо, а людям того судить не дано».

Тем не менее несомненно, что наши многочисленные войны с Турками, хотя и диктовались всецело государственными интересами России выйти к берегу южного моря, в глазах народных масс носили религиозный отпечаток. В этом можно убедиться, взглянув на купола южно-русских церквей, на которых часто можно увидеть Крест, водруженный на полумесяц. Поэтому Суворов, прошедший большую часть своей полководческой карьеры в борьбе против турок, пользовался религией не только как морализующим началом, но также и как стимулом, толкающим на борьбу с «басурманами». Когда в конце своей жизни ему пришлось встретиться в Италии с Французами, последние ведут в это время у себя на родине борьбу с католицизмом, насаждая религию Разума. Суворов старается и в этом случае использовать религиозный мотив, привычный для Русских войск того времени, и указывает на «безбожие» противника.

Но в современную эпоху войны между Европейскими народами совершенно утратили религиозный характер. Стоит лишь вспомнить минувшую большую войну. В ней на обеих сторонах были представители всех вероисповеданий. Поэтому, несмотря на то, что на всякого рода пропаганду были затрачены громадные усилия, религиозные мотивы в ней отсутствуют. Исключение в этом отношении составляет лишь Кайзер Вильгельм, взывавший в своих истерических речах к «Старому Германскому Богу», а также в своем озлоблении против Великобритании бросивший в немецкие народные массы лозунг «Боже, накажи Англию». Подобные попытки использовать религиозное чувство более не встречались. Крайне характерным в этом отношении является то, что в Англиканских Церквях в течение всей войны шли молитвы о скорейшем окончании войны, но не произносилась молитва о даровании победы.

В войнах XIX века главной двигательной силой борьбы является национальное начало. Один только беглый взгляд на историю XIX столетия показывает, какое громадное значение для приведения в движение народных масс получает национальный принцип. Объединение Германии, Италии, освобождение Балканских народов из-под власти Турок являются прямыми или скрытыми мотивами войн. Усиленное значение национального начала продолжается и в течение XX-го века. Минувшая большая война, перекроившая всю карту Европы, наглядно это подтверждает. Опыт пережитой войны заставляет ныне все государства строить свою внешнюю защиту на воспитании в подрастающем поколении чувства глубокого патриотизма. Одно из характерных проявлений этой тенденции можно усмотреть в культе «Неизвестного Воина», который создан в Франции на наших глазах. В основе этого культа лежит высокая идея. Условия современной войны таковы, что сотни тысяч граждан ожидают участь принести свою жизнь на алтарь Отечества, оставшись в полной неизвестности. Французская Армия насчитывает в минувшую войну 225 тысяч таких героев. Напомним, что для Русской Армии это число достигает 700 тысяч. Создавая всенародное поклонение Неизвестному Герою, Франция воспитывает в подрастающем поко-

лении идеал патриотизма, доведенный до высшей степени полного самоотречения. И Великобритания, и Америка тоже воздвигли могилы своему Неизвестному Герою и чтут их как символ проявления высшего патриотизма, который требуется современной войной.

Большевики, с легкой руки Карла Маркса, выдвигают на смену национальному принципу борьбу классов. Они уверены, что классовое самосознание играет несравненно большую роль в истории, нежели национальное. Для того, чтобы «доказать» это, они подтасовывают со свойственной им беззастенчивостью всю историю. Подробные доказательства всей ошибочности подобных утверждений завели бы нас слишком далеко. Заметим лишь одно: экономический материализм, как всеобъемлющее толкование истории, положенный в основу учения Маркса, научно уже провалился; он принимает часть происходящего в человеческом обществе процесса за весь процесс, исключив таким образом из своего поля зрения обширные области социальной жизни; вследствие этого он оказывается несостоятельным объяснить многие явления современной жизни.

Несомненно, что в современную эпоху в международных отношениях капитализм играет роль интернационализирующую; в то же время в социальной жизни он выдвигает на важное место борьбу классов. Но можно с уверенностью утверждать, что одного классового стимула недостаточно для того, чтобы подвинуть народные массы на борьбу с внешним врагом. Сами большевики ярко демонстрировали эту несостоятельность уже в 1920 году во время войны с Польшей. Ленин должен был обратиться к Патриарху Тихону и генералу Брусилову для того, чтобы придать этой борьбе национальный характер.

Несомненно также, что экономические интересы получают во взаимоотношениях народов все большее значение. Тесная экономическая взаимная зависимость народов, ярко обнаруженная последней большой войной, может привести к сглаживанию слишком заостренных эгоизмов народов. Но трудно ожидать, чтобы это интернационализирующее влияние экономики привело к той объективной справедливости, наличие которой является необходимым условием прекращения войн. Укажем для примера хотя бы на вопрос о выходах к морю. Новообразовавшиеся государства на Балтийском побережье отрезали полуторамиллионное Российское государство от моря. Может ли помириться сильное и значительно более многолюдное государство с теми стеснениями в его экономическом развитии, которые оказывают маленькие народы, заслоняющие его от моря и строящие свое благосостояние на эксплуатации трудного положения своего большого соседа? Разлагающее влияние большевистской болезни России, вызывающей внутри ее развитие центробежных сил, при дальнейшем ее продолжении неизбежно вызовет нарастание Украинского национализма. Но возможно ли допустить, чтобы после выздоровления от этой болезни стомиллионное ядро России примирилось с прекращением единственного оставшегося свободным доступа к морю — к морю Черному? Ведь подобное окружение равносильно экономическому удушью.

Говоря выше раздельно про религиозные, национальные и экономические причины войн, я был бы неправильно понят, если бы вышесказанное было принято читателем в том смысле, что я отрицаю в прежних войнах роль экономического начала. Конечно, это начало влияло во все времена. Его можно найти и в Крестовых походах, и в Тридцатилетней войне, и в других войнах, которые